

Е. В. ПАДУЧЕВА

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ СВЯЗНОСТИ ДИАЛОГА*

Исследования последних лет — в лингвистике и в смежных науках, в частности в логике, — вновь привлекли внимание к диалогу после длительного периода господства «монологической» лингвистики и лингвистики монологического текста. Сейчас вновь стало актуальным высказывание Л. В. Щербы [1], сделанное в 1915 г.: «...монолог является в значительной степени искусственной языковой формой и ...подлинное свое бытие язык обнаруживает лишь в диалоге» (ср. обзоры [2] и [3], посвященные диалогическому тексту).

Нынешнее обращение лингвистов к диалогу обусловлено, однако, не только тем, что монолог — искусственное явление, а диалог — естественное («Недаром говорят, что нужно уметь слушать, — прерывать другого не нужно уметь, потому что это естественно», — отмечал Л. П. Якубинский [4, с. 135]), и не только тем, что в диалоге язык более явно выражает свое назначение как орудие коммуникации, но и тем, что в последние годы был разработан понятийный аппарат, который позволяет осуществить проникновение в структуру диалога, которое раньше было невозможно.

Имеется по крайней мере два свойства диалогического текста, в силу которых он оказывается в каком-то смысле даже более простым объектом анализа, чем «обычный» монологический.

1) В диалоге каждое высказывание очевидным образом имеет автора — говорящего (Г) и обращено к собеседнику — слушающему (С). Тем самым для предложения в диалогическом тексте непосредственной очевидностью является его вхождение в речевой акт, фиксирующий место, время, участников высказывания, контекст, т. е. все, что необходимо для понимания этого предложения¹. Между тем в случае монологического текста встроенность предложения в речевой акт восстанавливается лишь в качестве гипотезы — при так называемом перформативном анализе. Т. е. то, что для монолога — гипотеза, для диалога — очевидность.

2) Реплики диалога уже на психологическом и при этом относительно легко наблюдаемом уровне ориентированы друг на друга. Они соотносятся как стимул и реакция. Если ты нарушил правильное соотношение, тебя тут же одернут. В монологе стимулы, обуславливающие продолжение текста, многообразны и трудноуловимы.

Средства связи реплик в диалоге могут быть теми же, что в монологическом тексте, — это разные виды семантических повторов; связи с помощью союзов и других синтаксических показателей (ср. [7]); кореферентность, выражающая единство предмета речи, прекрасно описанная Г. О. Винокуром [6]. Все это с е м а н т и ч е с к и е связи, т. е. связи

* От редакции. В этом номере журнала с разных сторон освещается и обсуждается тема «Речевая стратегия и диалог», связанная с ранее поднятыми на страницах нашего издания темами «Прагматика», «Предикаты» и др. (см. т. 39, вып. 4, 1980; т. 40, вып. 4, 1981).

¹ Основные компоненты речевого акта в их отношении к диалогу описаны Р. О. Якобсоном [5].

между содержанием реплик. В диалоге, однако, ярко проявляется новый вид текстовой связности, которую естественно назвать прагматической. Прагматические связи — это такие, в которые существенным образом включается речевой акт, с его условиями успешности, его участниками, презумпциями этих участников, с естественными законами сочетаемости речевых актов друг с другом и т. п. Мы рассмотрим четыре вида прагматических связей в диалоге.

Согласование реплик по иллокутивной функции

Первый тип прагматических связей — это связи между речевыми актами, в состав которых входят соотносительные реплики, т. е. естественные связи, в силу которых, например, за вопросом должен следовать ответ. Эти связи можно назвать согласованием реплик по иллокутивной функции (об иллокутивных функциях речевых актов см. [8]; ср. обзор работ по теории речевых актов в [9]). Иллокутивная функция высказывания — это выражение того или иного коммуникативного намерения говорящего — такого, как просьба, приказ, совет, уведомление, утверждение, выражение благодарности, вопрос и т. п.

Если описать иллокутивную функцию высказывания с помощью эксплицитной перефразировки, например по А. Вежбицкой [10], то прагматическую связь согласованных друг с другом реплик можно свести к семантическому повтору. Однако представляется предпочтительным рассматривать прагматические связи между репликами отдельно от семантических.

Согласование иллокутивных функций высказываний в диалоге хорошо иллюстрируется на примерах его нарушения, создающих аномалию. Простейший пример — известный «диалог»:

(1) — Здорово, кума! — На рынке была. — Аль ты глуха? — Купила петуха.

Следующие два примера — из «Алисы в стране чудес» Л. Кэрролла:

(2) ...Королева сурово спросила: — Это еще кто? — Она обращалась к Валету, но тот только улыбнулся и поклонился в ответ. — Глупец! — бросила Королева, раздраженно мотнув головой.

(3) — Как мне попасть в дом? — повторила она [Алиса] громко.

— Буду сидеть здесь, — сказал Лягушопок, — хоть до завтра.

В. В. Виноградов в статье «О поэзии Анны Ахматовой» [11] приводит большую серию примеров аномальных диалогов в стихах Ахматовой (в разделе «Гримасы диалога» есть специальная тема — система чередования реплик). В. В. Виноградов отмечает «непопадание реплик в тон друг другу, стилизацию разговора людей, как бы не слышащих один другого». При этом многие из его примеров показывают, что это ощущение достигается прежде всего за счет нарушения естественного согласования реплик по иллокутивной функции:

- (4) Задыхаясь, я крикнула: «Шутка
Все, что было. Уйдешь, я умру» (= 'Не уходи').
Улыбнулся спокойно и жутко
И сказал мне: «Не стой на ветру».
- (5) И спросил меня кротко: «Можно
С тобой посидеть на камнях?»
Я смеялась: «На что мне розы,
Только колются больно». «Что же, —
Он ответил, — тогда мне делать...»
- (6) «... Я люблю вас, я вас любила
Еще тогда».
«Да...»

Законы согласования соответствующих речевых актов по иллокутивной функции до конца не описаны, но некоторые закономерности очевидны (ср. [12]).

1. Естественной реакцией на утверждение будет подтверждение (и, быть может, развитие идеи) или возражение.

2. На вопрос — ответ (своей структуры для каждого типа вопроса).

3. На побуждение — согласие или отказ.

4. Для речевых актов, которые Дж. Серль относит к категории экспрессивов, т. е. для благодарностей, извинений, поздравлений и пр., уместные ответные реакции тоже четко регламентированы.

Кроме того, естественной реакцией на любое из этих высказываний будет переспрос или уточняющий вопрос, например:

(7) Ч а ц к и й. А Гийоме, француз, подбитый ветерком, он не женат еще? С о ф ь я. На ком?

(8) — Переведи их [умерших крестьян] на меня, на мое имя.

— А на что тебе?

Трудно сказать, какой должна быть нормативная реакция на рутательство. Ср. следующий диалог:

(9) — Кретин! — процедил сквозь зубы Олег. — Что ты сказал? — Я сказал, что ты кретин.

В примере (10) согласование реплик по иллокутивной функции состоит в том, что первая реплика содержит обвинение, а вторая — попытку оправдаться.

(10) — Кто это тебе позволил тратить общие деньги на личные нужды? — спросил Калачев. — Я больше не буду («Зигзаг удачи»).

Картина соотношений между соответствующими речевыми актами диалога сильно затемняется из-за обилия в речи косвенных речевых актов [13]. Примеры:

(11) Г р а ф и н я в н у ч к а. Вернулись холостые? Ч а ц к и й. На ком жениться мне? (= 'Не на ком жениться, поэтому я холост').

(12) — И все? (= 'Маловато').

— Разве мало? (= 'По-моему, достаточно').

Формально здесь обе реплики — интеррогативы; а по подлинному коммуникативному намерению в (11) вторая реплика является не вопросом, а отрицательным ответом; а в (12) ни одна из реплик не является вопросом.

Весьма разнообразны косвенные речевые акты, выражающие отказ:

(13) — Обождите!

— Чего ждать? (= 'Зачем?', = 'Незачем', = 'Не буду').

(14) — Купи у меня жеребца, я тебе дам их [мертвые души] в придачу.

— Помилуй, на что мне жеребец?

(15) — Поезжай в город! — Чего я там не видел?

(16) — Скажи моей кобыле тпру! — А сам ты что же? (Словарь Даля).

Проекция собственного смысла предложения на контекст его речевого акта (иллокутивная функция которого может обнаруживаться только по согласованию с предшествующим речевым актом) позволяет выявить в нем дополнительные импликации. В диалоге

(17) — Тит, иди молотить! — Брюхо болит!

ответная реплика помимо этого своего прямого смысла имеет смысл отказа: 'Поэтому не пойду'. Этот смысл выявляется на основе того, что в контексте предшествующего речевого акта побуждения эта реплика должна выражать согласие или отказ, а ее прямой смысл может служить потенциальной причиной отказа. Ср. диалог О. Уайльда:

(18) Л е д и Ч и л т е р н. Роберт не способен на опрометчивый поступок. ... Л о р д Г о р и н г. Всякий способен на опрометчивый поступок («Идеальный муж»).

Вторая реплика осмысливается как возражение к утверждению, содержащемуся в первой: разумеется, импликация *всякий способен* ⇒ *Роберт*

способен допустима всегда, но актуальность этой импликации порождается контекстом, в котором уместно возражение.

Богатым источником, порождающим косвенные речевые акты, является употребление неопределенных местоимений. Так, речевой акт утверждения при наличии в предложении неопределенных местоимений может создавать «диалогическую напряженность», естественно воспринимаемую как вопрос:

(19) А. Я куда-то дел ключ от почтового ящика.

В. Он на холодильнике.

Здесь в высказывании А из семантики неопределенного местоимения *куда-то* вычитывается дополнительный смысловой компонент 'Не знаешь ли ты, где он?', на который и направлена реплика В.

В (20) В реагирует по той же схеме, т. е. тоже на неопределенное местоимение; но здесь местоимение не по существу, и В фактически извращает речевое намерение А:

(20) А. У тебя чем-то щека измазана.

В. Чернилами.

Такую же напряженность порождает слово *один*:

(21) — Ты куда теперь едешь?

— А я к человеку к одному, — сказал Чичиков. ...

— ... Ну скажи только, к кому едешь.

(22) А. Один мой приятель женился на француженке.

В. Это Петя П.?

Вообще значение слова *один*, с его сложными презумпциями относительно знаний говорящего и слушающего и их несовпадением, раскрывается полностью только в диалоге.

Слово *некоторый* в русском языке служит почти общепринятой условностью для выражения намека на участников диалога или близких к ним лиц:

(23) — Да, однако же, нашлись некоторые дамы, которые были неравнодушны к нему. — Я, Анна Григорьевна? Вот уж никогда вы не можете сказать этого, никогда, никогда («Мертвые души»).

Интересный факт состоит в том, что лексический состав реплики диалога может вступать во взаимодействие с ее прагматическим контекстом, а именно, с речевым актом, в который входит предшествующая реплика:

(24) А. Что они делают? В. Занимаются гимнастикой. А. А зачем? В. Этого я тоже не знаю.

Местоимение *тоже* в последней реплике В содержит отсылку к контексту, из которого должно быть ясно, кто еще, кроме В, этого не знает. Кто же это? Ясно, что другим не знающим является А. Действительно, смысловой компонент 'А этого не знает', хотя он и не выражен в явном виде ни в одном из предложений, присутствует в контексте данного диалога в качестве условия искренности речевого акта вопроса, заданного А (имеется в виду условие 'Г не знает ответа').

В примере (25) то же рассуждение справедливо для союза *а*:

(25) А. Какая же у преступника была цель?

В. А вы как думаете?

Здесь союз *а* означает, что кто-то другой думает о целях преступника что-то еще [14]. И действительно, предшествующий речевой акт имеет условие успешности 'В что-то знает о целях преступника' (ср. условие 'С знает ответ'). Еще пример:

(26) — У меня к тебе просьба. — Какая? — Дай прежде слово, что исполнишь («Мертвые души»).

Здесь *прежде* значит 'прежде, чем я выскажу тебе свою просьбу', т. е. прежде, чем я произведу свой речевой акт (ср. наблюдения о связи лексического состава высказывания с его прагматическим контекстом в [17]).

Довольно трудно провести границу между собственно речевым (ком-

муникативным) намерением говорящего, которое собеседник в соответствии с принципом кооперации обязан вычислить, и неречевым, при вычислении которого возможны самые разнообразные ошибки. Часто человек, действуя по некоторому стандартному «сценарию», считает, что вычислил неречевое намерение собеседника, и реагирует в соответствии с этим вычислением, хотя на самом деле это вычисление может быть и неправильным; ср. диалог: — *Где здесь мебельный магазин?* — *Мебельный магазин закрыт*, имевший место в ситуации, когда мебельный магазин нужен был спрашивающему только как ориентир.

Географический *успешности*
Реплики, обращенные на условие речевого акта

Второй класс прагматических связей в диалоге: ответная реплика обращена на условие успешности речевого акта, в который входит исходная реплика, а не на содержание этой реплики, как в случае собственно семантических связей². Реакция слушающего может состоять в том, что он отрицает выполнение этого условия или ставит его под сомнение, требует от говорящего подтвердить, что оно выполняется, и т. д. Приведем примеры, касающиеся основных видов речевых актов и их условий успешности.

1. Речевой акт вопроса. Его условие искренности — ‘Г хочет иметь информацию’. Примеры диалогов, где слушающий вместо ответа требует подтверждения, что это условие выполнено, или просто отрицает тот факт, что оно выполнено:

- (1) Ф а м у с о в. Что за история? С о ф ь я. Вам рассказать?
- (2) А. Где ты был? В. А тебе интересно?

Другое условие успешности вопроса — ‘Г не знает ответа’. Примеры реплик, обращенных на это условие:

- (3) А. Ты поедешь? В. Что за вопрос! (А то как же! Чего тут спрашивать! Что ты спрашиваешь! Ты же сам знаешь и т. д.).

Если слушающий отвечает говорящему, что тот сам должен знать ответ на свой вопрос, это равносильно заявлению о неуместности его вопроса:

- (4) — А зачем нам битое стекло? — Ты, Семицветов, просто-таки болван («Берегись автомобиля»).

Пример реплики, обращенной на условие ‘Г доверяет С’:

- (5) Ю л и я. Да ведь не верю я вам... Д е р г а ч е в. Не верите, а сами спрашиваете! («Последняя жертва»).

Реплика, выражающая недоверие, может следовать за любым речевым актом:

- (6) — Славный ты у нас воин, Скарпхединн.

— Не знаю этого, — сказал Скарпхединн и ухмыльнулся.

Условие, касающееся слушателя, — ‘С знает ответ’. Примеры диалогов, где ответная реплика обращена на это условие, а именно, констатирует, что оно не выполнено:

- (7) Д о н Г у а н. Когда ж опять увидимся? Д о н н а А н н а. Не знаю («Каменный гость»).
- (8) А. А сколько он стоит? В. Я не приценялась.
- (9) — Почему он прицепился именно к вашей машине?
— Вы меня об этом спрашиваете? («Берегись автомобиля»).
- (10) А. А когда придут паркетчики?
В. Спроси меня что-нибудь попроще³.

² Перечень условий успешности для основных видов речевых актов см. в [8]; ср. также [9]. Одна из разновидностей условия успешности — условие искренности.

³ О том, что среди реплик, обращенных на речевой акт, преобладают клишированные формулы, см. [15].

Другое условие, касающееся слушателя, — ‘С захочет сообщить ответ’, ‘С считает вопрос Г законным, правомерным’:

(11) Ф а м у с о в. Не хочешь ли жениться? Ч а ц к и й. А вам на что?

(12) — Но если выехать из ваших ворот, это будет направо или налево?

— Я вам даже не советую дороги знать к этой собаке («Мертвые души»).

Другие ответные реплики этого типа: *Да что тебе за прибыль знать? Не спрашивай меня! Почему ты меня спрашиваешь?*

II. Речевой акт у т в е р ж д е н и я. Его условие искренности — ‘Г считает (убежден), что p ’, где p — некоторое суждение. Другое условие успешности утверждения — ‘Г имеет основания считать, что p ’. Примеры реплик, обращенных на эти условия:

(13) М о ц а р т: ... А гений и злодейство — две вещи несовместные... С а л ь е р и. Ты думаешь?

(14) — Она права, что не желает идти замуж за недотепу.

— Она это тебе говорила? («Берегись автомобиля»).

Клишированные формулы для выражения сомнения в достоверности сведений: *В первый раз слышу, откуда ты взял? Кто тебе сказал? Об этом бы знали.*

Частый способ выражения сомнения в достоверности сведений говорящего — реплики, начинающиеся с *почему*. Этот тип диалогической реакции описан Н. Д. Арутюновой [15]. Обнаружено, что, скажем, в диалоге:

(15) А. Он ушел. В. Почему ушел? — реплика В скорее всего значит не ‘Почему он ушел?’, а ‘Почему ты так думаешь?’.

Если *почему*-реплика направлена на собственно содержание исходного утверждения, это значит, что С хочет узнать причину события или положения вещей (cause); если на достоверность сведений говорящего — имеется в виду причина-основание (raison). Интересно, что когда исходная реплика содержит субъективную модальность, то две интерпретации *почему*-реплики, четко различающиеся в примере (15), становятся неразличимыми по смыслу, эквивалентными: ср. примеры Н. Д. Арутюновой [15]:

(16) — Я считаю это ненормальным.

— Ну почему же? — возразил я (Ф. Вигдорова).

(17) А г а ф ь я Т и х о н о в н а. Как-то стыдно.

К о ч к а р е в. Почему же стыдно?

(18) П о д к о л е с и н. Невеста должна знать по-французски.

К о ч к а р е в. Почему же? (Гоголь, «Женитьба»).

Действительно, *Ему стыдно* = ‘Он считает, что ему стыдно’; поэтому в данном случае вопрос о причине-cause «Почему X?» совпадает с вопросом о причине-raison «Почему вы считаете, что X?».

Реплики с *почему* имеют тенденцию переходить в конвенционализированный косвенный речевой акт, выражающий возражение на утверждение или отрицательный ответ на вопрос: ср.:

(19) Н е м о г у л и я б ы т ь в а м ч е м - н и б у д ь п о л е з н ы м ?

— Почему не можете? ... Конечно же, можете (А. Аверченко. Рыцарь индустрии).

Здесь *Почему p ?* \approx ‘На каком основании ты считаешь, что p ?’ \approx ‘Нет у тебя достаточных оснований’ \approx ‘Неправда, что p ’. Так что *Почему не можете?* и *Конечно же можете* различаются только на *конечно же*. Что функционально *почему*-реплика здесь не вопрос, видно из того, что после нее продолжается речь того же лица. Ср. также пример (16), где иллокутивная функция ответной реплики эксплицитно выражена в словах автора.

Тем же целям может служить вопрос с *как*, *где* и простой переспрос: *Как уезжаю? Уезжаю? Где я уезжаю? Я уезжаю?* Еще пример переспроса в функции возражения:

(20) Но зато губернатор какой превосходный человек!

— Губернатор превосходный человек?

Второе условие успешности речевого акта утверждения — 'С не знает, что р'. Примеры реплик, обращенных на это условие.

(21) — Протагор приехал.— А ты только теперь узнал? («Протагор»).

(22) А. Перримен был выдающимся студентом.

В. Скажите мне что-нибудь, чего я не знаю.

(23) — Куда ты идешь?— Мама, мне уже тридцать шесть.— Спасибо, что ты мне это сообщил («Берегись автомобиля»).

(24) А. Здесь ступеньки. В. Ты думаешь, я сам не вижу?

III. Речевой акт п о б у ж д е н и я имеет предварительное условие 'С в состоянии совершить действие Д'. Пример диалога, где это условие не выполняется:

(25) — Выпей вина, — бодро предложил Мартовский Заяц ...

— Я чего-то его не вижу, — сказала она (Алиса).

— Еще бы! Его здесь и нет! — отвечал Мартовский Заяц.

— Зачем же вы мне его предлагаете? — рассердилась Алиса. — Это не очень-то вежливо («Алиса в стране чудес»).

Другое условие — 'Г имеет право требовать ~~или просить~~':

(26) — Не задерживайте нас! — А ты кто такая? («Зигзаг удачи»).

Прагматической реакцией на любой речевой акт может быть отказ слушающего продолжать разговор («адресат защищается от агрессии» {16}):

(27) Ф а м у с о в. Нельзя не пожалеть, что с таким умом ...

Ч а ц к и й. Нельзя ли пожалеть о ком-нибудь другом?

(28) — Вы читали в «Вечернем Тбилиси», при заходе на посадку разбился самолет «Боинг 707»?

— Слушай, не надо. Не люблю я этих разговоров («Берегись автомобиля»).

(29) — Вы застраховали свою жизнь? — Слушай, зачем пугаешь? (Там же).

Реплики, обращенные на презумпцию

Следующий вид прагматической диалогической реакции — это реплика, обращенная на презумпцию предшествующего высказывания; а именно: слушающий выражает свое несогласие с презумпцией говорящего. В монологическом тексте высказывание, которое противоречит презумпциям предшествующего текста, нарушает его связность. Между тем в диалоге слушающий может выразить свое несогласие с презумпциями говорящего. Это будет законная реакция, не нарушающая связности диалогического текста, но связность здесь опять-таки прагматическая, поскольку слушающий должен: 1) выделить из высказывания некоторый семантический компонент; 2) оценить его как презумпцию г о в о р я щ е г о; 3) выразить с в о е несогласие с этой презумпцией.

Известный пример диалога, сводящегося к выяснению презумпций, — диалог Алисы с Мартовским Зайцем:

(1) — Выпей еще чаю, — сказал Мартовский Заяц, наклонясь к Алисе.— Еще? — переспросила Алиса с обидой.— Я пока ничего не пила.

Часто ответная реплика слушающего нацелена на презумпцию говорящего о существовании и единственности объекта в общем поле зрения говорящего и слушающего; т. е. говорящий не может отождествить референта по данной ему дескрипции (или делает вид, что не может).

Примеры:

(2) — Почему никто не подходит к двери?

— К какой двери? — спросил Лягушонок («Алиса в Зазеркалье»).

(3) — А Воробья зачем приписали?

— Какого воробья? — сказал Собакевич.

Дескрипция может и однозначно идентифицировать объект, но если слушающий не согласен с концептом, приписываемым объекту с ее помощью, это тоже служит основанием для реплики, обращенной на презумпцию:

(4) — Не стоит так сердиться из-за старой погремушки.

— Она не старая («Алиса в Зазеркалье»).

(5) — Сними свою шляпу, — сказал Король Болванщику.

— Она не моя, — ответил Болванщик (там же).

Реакции, обращенные на презумпции, как и реакции на условия успешности речевого акта, — это все ко с в е н н ы е реакции на высказывание: говорящий, который получил такую реакцию, вообще говоря, потерпел коммуникативную неудачу. Так, в последнем примере Болванщик, как утверждает Кэрролл, в продолжение всей сцены суда оставался в шляпе, т. е. состояние «Болванщик снял шляпу», являющееся целью побудительного речевого акта Короля, там и не наступает.

Фактически адресат имеет свободу выбора — прореагировать на намерение говорящего, как он его понимает, игнорируя неподходящие для него презумпции, или же «прицепиться» к нему. В известном разговоре Алисы с Шалтай-Болтаем в ответ на его вопрос: *Сколько, ты сказала, тебе лет?* — Алиса говорит: *Семь лет и шесть месяцев*. Когда же Шалтай-Болтай ругает Алису, что та ответила неправильно, поскольку Алиса не уловила в вопросе подвоха — ложной презумпции о том, что она уже говорила Шалтаю о своем возрасте, — Алиса объясняет: *Я думала, Вы имеете в виду «Сколько мне лет?»*.

Связи реплик, основанные на импликатурах дискурса

И еще один вид прагматической связности — связность, основанная на выявляемых говорящими и м п л и к а т у р а х д и с к у р с а (по Г. П. Грайсу [18]). Пример импликатуры, который приводит Грайс:

1) А (стоя около машины). У меня кончился бензин. В. Бензоколонка за поворотом.

Давая свой ответ, В обязан подразумевать, что в данной бензоколонке в данный момент можно купить бензин, или по крайней мере не исключать такой возможности, в противном случае В, давая свой ответ, нарушал бы постулат релевантности. Связность диалога достигается импликатурой 'Бензоколонка работает', а сама эта импликатура возникает как следствие предположения его связности.

Используя импликатуры дискурса, говорящий получает в свое распоряжение разные способы выразиться обиняком:

(2) — Скажите [вежливо спрашивает сержант милиции у автовладельца, выехавшего утром на немойтой машине], вы сами по утрам умываетесь? («Берегись автомобиля»).

И это все вместо того, чтобы сказать: «Вы не вымыли свою машину». Пример ответной реплики, которая связывается с предшествующей благодаря импликатуре:

(3) А. Вы не забыли того, что я вам сказал? В. Я никогда не забываю того, что мне говорят (= 'следовательно, и сейчас не забыл').

Реплика В содержит утвердительный ответ на вопрос А, но не прямо, а как бы в виде намека.

Импликатуры отличаются от непосредственно высказанных утверждений тем, что говорящий в принципе может от них отпереться. Ср. эпизод из романа Alison Lurie «Love and friendship», где герой на просьбу женщины никому не рассказывать о некотором только что происшедшем событии отвечает: *A gentleman never tells* 'Джентльмен не рассказывает о таких вещах'. Потом, когда выясняется, что он рассказал, он в ответ на упрек женщины говорит: *I never said I was a gentleman* 'Я никогда не говорил, что я джентльмен'. Разумеется, он прав. Дело, однако, в том, что

в первом диалоге только импликатура о том, что герой причисляет себя к джентльменам, позволяет расценить его ответ как релевантный по отношению к просьбе женщины (а именно, в силу этой импликации его реплика оказывается согласием ее выполнить). Отрекаясь от этой импликации, он должен признать справедливым упрек в бессвязности своей ответной реплики в этом диалоге. Таким образом, механизм состоит в том, что предположение о связности диалога заставляет слушающего искать импликатуру; а найденная импликатура является далее средством, обеспечивающим связность диалога (ср. [19, 20]).

Итак, выясняются следующие аспекты связности диалога, которые естественно считать прагматическими: 1) согласование реплик по иллокутивной функции; 2) связь реплики с условиями успешности предшествующего речевого акта, минуя содержание высказывания; 3) направленность реплики на презумпцию предшествующего высказывания; 4) связь реплик, устанавливаемая на основе обращения к импликатурам дискурса. Этим заведомо не исчерпываются многообразные прагматические связи в диалогическом тексте, для изучения которых может быть использован аппарат теории речевых актов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Щерба Л. В. Восточнолужицкое наречие. Т. 1. Пг., 1915.
2. Валюсинская З. В. Вопросы изучения диалога в работах советских лингвистов. — В кн.: Синтаксис текста. М., 1979, с. 299—313.
3. Kevelson R. Semiotics and the art of conversation. — *Semiotica*, 1980, v. 32, № 1/2, p. 53—80.
4. Якубинский Л. П. О диалогической речи. — В кн.: Русская речь/Под ред. Щербы Л. В. Т. 1. Пг., 1923.
5. Якобсон Р. Лингвистика и поэтика. — В кн.: Структурализм: «за» и «против». М., 1975, с. 193—230; пер. с англ.
6. Винокур Г. О. «Горе от ума» как памятник русской художественной речи. — Уч. зап. МГУ, вып. 128, кн. 1. М., 1948.
7. Reinhart T. Conditions for text coherence. — In: *Poetics today. Narratology II: fictional text and the reader*, 1980, v. 1, № 4, p. 161—180.
8. Searle J. R. *Speech acts. An essay on the philosophy of language*. Cambridge, 1969.
9. Падучева Е. В. Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Кэрролла. — Семантика и информатика. Вып. 18. М., 1982.
10. Wierzbicka A. *Lingua mentalis. The semantics of natural language*. Sidney etc.: Acad. Press, 1980.
11. Виноградов В. В. О поэзии Анны Ахматовой. — Тр. Фонетич. ин-та практич. изучения языков. Л., 1925.
12. Несина Г. Н. К вопросу о взаимоотношениях реплик диалога. — Материалы XXII научн. конф. Волгоградск. пед. ин-та. Волгоград, 1968.
13. Searle J. R. Indirect speech acts. — In: *Syntax and semantics*. V. 3. *Speech acts*. N. Y.: Acad. Press, 1973.
14. Крейдлин Г. Е., Падучева Е. В. Взаимодействие ассоциативных связей и актуального членения в предложениях с союзом А. — Научно-техн. информ., сер. 2, 1974, № 10, с. 32—37.
15. Арутюнова Н. Д. Некоторые типы диалогических реакций и почему-реплики в русском языке. — ИДВШ, ФН, 1970, № 3.
16. Арутюнова Н. Д. Фактор адресата. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и языка, 1981, т. 40, № 4, с. 356—367.
17. Mittwoch A. How to refer to one's own words: speech-act modifying adverbials and the performative analysis. — *Journal of linguistics*, 1977, v. 13, p. 177—190.
18. Grice H. P. Logic and conversation. — In: *Syntax and semantics*. V. 3. N. Y.: Acad. Press, 1975.
19. Dascal M. Conversational relevance. — In: *Meaning and use*/Ed. Margalit A. Dordrech. Holland: D. Reidel Publ. Comp., 1976, p. 153—175.
20. Oláh T. The dialogue as a communicative skill: a contrastive approach. — *Slavica*. Debrecen, 1981, p. 63—69.